

47. Торшина К.А. Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // *Вопр. психологии*. 1998. № 4. С. 123–132.
48. Умственное воспитание детей дошкольного возраста. М.: Просвещение, 1984.
49. Хамидов А.А. Категории и культура. Алма-Ата: Гылым, 1992.
50. Цукерман Г.А. Что развивает и чего не развивает учебная деятельность // *Вопр. психологии*. 1998. № 5. С. 68–81.
51. Чуковский К.И. От двух до пяти. М.: Педагогика, 1990.
52. Шабельников В.К. Формирование быстрой мысли. Алма-Ата: Мектеп, 1982.
53. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // *Соч. М.: Мысль*, 1987. Т. 1. С. 227–489.
54. Шехтер М.С. К проблемке “свернутых” действий // *Психол. журн*. 1995. Т. 16. № 1. С. 19–25.
55. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития. М.: Трикола, 1994.
56. Эльконин Д.Б. Избр. психол. труды. М.: Педагогика, 1989.
57. Forteza J. Problems related to the measurement of Creativity // *Revista de Psicologia General y Aplicada*. 1974. V. 19 (13). P. 1033–1055.
58. Kovac T. Vzťahy tvorivosti a inteligenci deti predškolskeho veku // *Psychologia a Patapsychologia Detata*. 1983. V. 18 (8). S. 497–506.
59. Matthews G.B. Philosophy and the young child. L.: Harvard University Press, 1980.
60. Matthews G.B. Dialogues with children. L.: Cambridge University Press, 1984.
61. MacKeith S. Paracosmos and development of Fantasy in childhood // *Imagination, Cognition & Personality*. 1982–1983. V. 2 (3). P. 261–267.
62. Perkins D. Reasoning as imagination. Special issue: creativity education and thought / *Interchanging*. 1985. V. 16 (1). P. 14–26.
63. Piaget J. The child's conception of the world. Totowa, New Jersey: Relix Books, Rowman & Allanheld, 1983.
64. Reisman F., Floyd B., Torrance E. Performance on Torrance's Thinking Creativity in Action and Movement as a predictor of cognitive development of young children // *Creative Child & Adult Quarter*. 1998. V. 6 (4). P. 205–209.
65. Ricoeur P. Imagination et metaphore // *Psychologie medicale*. 1982. V. 14 (12). P. 1883–1887.
66. Smith G., Carlsson I. Can preschool be creative? A perceptogenetics study of 4-year olds // *Archive fur Psychologie*. 1983. V. 135 (1). P. 37–53.
67. Torrance E., Hall L. Assessing the future researches of Creative Potential // *J. of Creative Behavior*. 1980. V. 14 (1). P. 1–19.
68. Tower R. Preschoolers Imaginativeness: subtypes, correlates and maladaptive extremes // *Imagination, Cognition & Personality*. 1984–1985. V. 4 (4). P. 349–364.
69. Wolf F., Larson S. On why adolescent formal operators may not be creative thinkers // *Adolescence*. 1981. V. 16 (62). P. 345–348.

CHILD'S IMAGINATION: NATURE AND DEVELOPMENT (1-st ARTICLE)

V. T. Kudryavtsev

Dr. sci. (psychology), director of Institute of preschool and family nurture, RAE, Moscow

The logic-psychologically alternative to traditional consideration of imagination as a universal quality of consciousness is presented. The fundamental attributes of imagination – sense realism and ability “to see the whole before its parts” – are discussed. The place of imagination in the structure of creative potential (including the problem of imagination and thinking interrelation) and its function in mental child's development are considered. There are emphasized the social-communicational nature of imagination and its internal positioning. The article concerns diagnostic methods, imagination development in the pedagogic practice illustrated using empirical data and author's results.

Key words: imagination, realism of imagination, ability to see the whole before its parts, sense, creation, creativity, diagnostics and development of imagination, advancing education.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАРГИНАЛА В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ВИДАХ ТРУДА* (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

© 2001 г. Е. П. Ермолаева

Канд. психол. наук, старший науч. сотрудник ИП РАН, Москва

Рассматриваются психологические проблемы профессионального маргинализма как утраты профессиональной идентичности в ситуации социогенного профессионального кризиса, что особенно актуально для социально значимых видов труда. Прослеживается генезис проблемы и выделяется специфика понятия “профессиональный маргинализм”, обосновывается выбор области исследования этого явления – социально значимые виды труда. Предлагаются критерии выделения социально значимых профессий и характеристика их типов. Обсуждаются методологические принципы и аспекты исследования профессионального маргинализма, приводятся модели его порождения и психологические особенности профессиональных маргиналов в конкретных видах социально значимого труда.

Ключевые слова: психология профессионала, профессиональный маргинализм, профессиональная идентичность, социально значимые виды труда.

Тенденция изменений в профессиональной сфере, вызванная дестабилизацией общества и приводящая к ментальному и функциональному распылению профессионалов, достаточно очевидна; она отражена в статистике, публикациях, документах, поэтому излишне останавливаться на перечислении ее внешних признаков. Но важно выяснить, какие внутренние закономерности и психологические механизмы лежат в основе этого явления, которое можно назвать профессиональным маргинализмом, поскольку, размывая границы профессионализма, оно приводит к перемещению профессионала на периферию или за пределы референтного профессионального пространства. Психологически это проявляется в утрате профессиональной идентичности [11], равнодушии к профессиональным обязанностям и нормам, замещении профессиональных ценностей и морали ценностями и целями другой среды – профессиональной или внепрофессиональной.

Масштабные профессиональные кризисы в массовом порядке продуцируют профессиональных маргиналов, отвергающих или негативно оценивающих свою прежнюю идентичность; это снижает уровень зрелости общества в целом и, в частности, – его способность преодолевать кризисы, образуя своеобразный “порочный круг”. Сдвиг баланса между профессионалами и маргиналами в сторону маргинализма снижает порог

социальной приемлемости качества профессионального труда, что в сфере социально значимых профессий означает переход черты безопасности профессионала для общества.

I. ПРОБЛЕМА

Исследование феноменов маргинального поведения особенно актуально в социально значимых видах труда, в том числе в социально-ориентированных профессиях, непосредственно затрагивающих повседневную жизнь каждого человека. Эта область в большей степени относится к проблематике реальной психологии профессионала, чем к сфере идеализированных концепций профессионального совершенствования, акмеологии, либо явной психопатологии труда.

Реальная психология конкретного профессионала определяется ведущим идентификационным основанием, в выборе которого субъект не свободен: он личностно детерминирован [1] и зависим от культурных, социальных, корпоративных, информационных, экономических факторов.

Массовый профессиональный субъект (т.е. количественное превалирование в профессиональной популяции того или иного ментально-нравственного типа профессионалов) зависит от преобладающего в обществе ведущего основания идентификации, что, в свою очередь, обусловлено следующими параметрами ситуации профессиональной идентификации: а) стабильностью (устойчивое функционирование – конструктивная

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 00-06-00173а

стабильность, либо застой – деструктивная стабильность); б) изменчивостью (конструктивная изменчивость – развитие, прогресс, либо деструктивная изменчивость – разрушение, регресс); в) определенностью (однозначность законов преобразования ситуации); г) фрустрированностью (конфликтность, стрессогенность [3]); д) терминальностью (кризисность, хаотичность [7]); е) витальностью (важность для физического выживания [9]).

Для исследования в рамках реальной психологии особый интерес представляют две группы профессиональных маргиналов: “отверженные” и “действующие”.

Основную массу отверженных маргиналов составляют безработные. Однако между маргиналами и безработными нет взаимно-однозначного соответствия: маргиналы лишь те, кто утратил ментальную связь с профессией и уже не считает себя учителем, инженером и т.д. Профессиональный маргинализм – это не атрибут и не свойство безработных, не причина или следствие безработицы.

Исследование безработицы имеет значение для проблемы профессионального маргинализма лишь как один из его аспектов, ставший очевидным по фиксированным признакам. Безработные – удобный объект исследования, поскольку проблемы, связанные с профессией и профессионализмом, у них актуализированы, являются предметом их размышлений и более доступны психологическому анализу.

Действующие маргиналы, включенные в трудовой процесс, но утратившие внутреннюю принадлежность к профессиональной этике как в плане идентичности самосознания, так и в сфере реального поведения, представляют для исследования большее научное значение, поскольку именно здесь лежит главный конфликт, через выяснение обстоятельств которого можно измерить степень или потенциал маргинализма, в том числе: какова именно качественная основа маргинального поведения и сознания (боязнь санкций, опасение за себя, личная безопасность, желание обогатиться или стремление к власти), и какова предельная сила конфликта, внешнего и внутреннего, который способен вынести человек, не нарушая профессиональной этики и норм. Но этот контингент практически недоступен для непосредственного изучения.

Как среди отверженных, так и среди действующих на своих рабочих местах могут быть “воинствующие” маргиналы, характерный признак которых – упорное отстаивание отживших профессиональных ценностей на основе сохранения прежней профессиональной ментальности, и “потерянные” (экзистенциальные) маргиналы – полностью дезориентированные утратой профессио-

нальной идентичности, которая была ранее ведущей в их системе ценностей. Если это безработные, то уже практически неспособные найти новую работу; если действующие маргиналы, то выполняющие свои функции чисто формально или имитирующие их.

II. МЕТОДОЛОГИЯ

Не все психологические явления могут быть исследованы как эмпирический факт с соблюдением структуры и логики эксперимента [10]. Многие аспекты реального бытия, в том числе профессиональный маргинализм, теряют свое качество при попытке их расчленить на задачи исследования и не могут быть непосредственно измерены [23], ведь “психическое объективно существует только как субъективное” [2, с. 29]. Однако это не значит, что они непознаваемы.

Они постигаются с помощью “универсальных схем познающего субъекта”, корни которых известны: феноменология духа Канта, трансцендентальный субъект Гуссерля, экзистенциализм как философия существования (Хайдеггер, Сартр) и самопознания (Бердяев) в пограничных состояниях (Ясперс); а принципы находят применение и в современных исследованиях [6].

Результат такого познания – всегда относительная, частичная истина, так как он обусловлен качеством той универсальной схемы познающего субъекта, с помощью которой получен, будь то методология, теория, модель (в науке), либо непосредственное усмотрение истины божественным провидением (в религии).

Познание явления в целом происходит путем синтеза этих частичных истин, которые, пройдя процедуру оценки на предмет “отвергания” или “принятия” результата в качестве частичной истины, были признаны таковыми. Эта процедура проводится в соответствии с общепринятыми на данный момент нормами той науки, в рамках которой она осуществляется. Такими нормами могут быть законы логики, проверка практикой, статистика и т.д. Если познаваемое явление имеет высокую социальную значимость, то его познание не завершается синтезом “принятых частичных истин”. Эта “синтезированная истина” подвергается дополнительной оценке с позиции принципов целесообразности или нравственного выбора.

Наш вариант феноменологического метода предполагает анализ конкретных случаев проявления профессионального маргинализма в социально значимых видах труда как феноменов – частных реализаций (в медицине, правопорядке, сфере управления наукой, техникой, обществом) целостного явления действительности – профессионального маргинализма.

Фактологическую основу данной работы составляют: а) социологические данные и статистика; б) нормативные акты (законы, правила, должностные инструкции); в) материалы научных публикаций по конкретным исследованиям в области социальной и культурной инверсии профессионалов; г) воспоминания и интервью частных лиц – бывших профессионалов разного уровня; д) типичные, особенные, экстремальные случаи из профессиональной практики по материалам СМИ; е) данные, полученные методом “включенного наблюдения” в сферах медицинского обслуживания и судебно-правовой системы, в которых автор был в роли потребителя профессиональных услуг и эксперта одновременно, что позволило проводить психологический анализ сразу с двух позиций: объекта профессионального воздействия (испытуемого) и исследователя.

В качестве методологического принципа введено понятие “внутренние идентификационные требования профессии” – ключевое для дифференциации аспектов, связанных с определением понятий нормы, идентичности, маргинализма применительно к профессионалу. Это – набор тех существенных, знаковых и функциональных признаков, по которым человек и социум опознают профессию, а сам профессионал идентифицирует себя с ней. Если признаки, используемые для идентификации, полностью совпадают у человека как потребителя профессии, общества как заказчика и профессионала как исполнителя, – то можно говорить о профессиональной идентичности.

При наличии расхождений в идентификационных признаках профессии у общества и профессионала следует уже говорить о той или иной степени профессионального маргинализма. При констатации такого несоответствия в модель исследования включаются показатели “второго порядка”: а) удовлетворяет ли общество такое несоответствие; б) способствует ли оно стабильному функционированию общества; в) возможно ли при этом развитие или происходит деградация общества; г) приводит ли это к формированию устойчивого двойного стандарта в соотношении общества к профессии.

III. КРИТЕРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАРГИНАЛИЗМА

При разграничении маргинализма и профессиональной идентичности всплывают те же проблемы, что и с определением нормы-патологии в социальной психологии и психиатрии [4, 5].

Можно было бы считать нормой то, что принято большинством. Но что значит принято большинством? И каков тот критерий, по которому производится выбор большинства: формируется

ли норма в результате нравственного выбора, по принципу целесообразности или стихийно?

В некоторых случаях большинство может активно и сознательно принять то, что его действительно устраивает. И тогда эта норма становится конструктивным регулятором общественных отношений в данной сфере и основой стабильности.

Но может быть и пассивное принятие большинством общества некоторых реально сложившихся обстоятельств в силу необходимости: либо потому, что общество не осознало еще, что эти обстоятельства не стабилизируют, а разрушают его жизнь; либо осознало, но не имеет реальной возможности что-либо изменить. И тогда эти аномальные, по сути деструктивные обстоятельства становятся социальной нормой.

Поэтому для оценки степени идентичности и маргинализма нами введен критерий соответствия профессионала общечеловеческому статусу профессии. Общечеловеческий статус профессии – это то, что в данной цивилизации, на данном этапе уже определилось как нормативные требования к профессионалу, и профессия в этом контексте выступает как общечеловеческая ценность.

С точки зрения удаленности от этих требований (от профессионально-идентичного уровня) и должны оцениваться истинные позиции профессии в данном социуме, а также степень маргинализма конкретных представителей профессии, профессиональной группы или профессионального сообщества в целом. При этом неважно, писанные или неписанные нормы лежат в их основе.

В плане конкретных исследований особый интерес представляют реальные случаи, когда профессиональный маргинализм (по отношению к требуемой сути и нормативам профессии) становится социально терпимым явлением (или даже социально-приемлемой нормой).

В связи с этим уточним понятие профессионального маргинализма как социально-пограничного состояния: психическое здоровье профессионального маргинала не отклонено от нормы, но в силу неадекватности его позиции как профессионала он находится на границе социально приемлемого уровня. Этика профессионала как нравственная норма подменяется при этом этикой прагматизма, мотивационным компонентом которой становится личная безопасность от социального осуждения, а обеспечивающим механизмом – обстановка тотальной безответственности в структуре социального устройства института профессии, а также полной закрытости его от внешнего контроля.

Когда реально действующей социальной нормой становится антинорма (т.е. то, что с точки зрения самой профессии как социального призвания, назначения – неадекватно и аморально),

можно говорить уже о социальной опасности профессионального маргинализма [16].

IV. ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ “ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МАРГИНАЛИЗМ”

1. *Маргинальный человек.* Впервые понятие “маргинальный человек” (Marginal Man) ввел Роберт Парк [21] для описания людей на границе между двумя (или более) социальными мирами и не принятых ни в один из них как полноправные участники; им приписывался особый “маргинальный статус”. Типичные психологические феномены поведения маргинального человека в новой социальной среде, которые привлекли внимание исследователей: плохая адаптация, самоотчуждение, деперсонализация, конфликтность, невротизм [19, 20].

Многими авторами в разные годы отмечалась особая социальная группа людей, чей противоречивый должностной статус (на производстве, в коммерции, армии) неизбежно ставит их в маргинальное положение: это руководители среднего звена (бригадиры, менеджеры, сержанты и т.д.). Для администрации – исполнители, а для подчиненных – начальники, они подвергаются критике с обеих сторон, чаще бывают в состоянии внешнего и внутреннего конфликта, испытывают стресс [24].

Но как считает ряд исследователей, социальный маргинальный статус не является однозначно негативной характеристикой и может стимулировать творческую активность личности и социальный прогресс [17]. В любой культуре наибольшие достижения осуществляются во время быстрых социальных изменений и многие из великих вкладов в нее были сделаны маргинальными людьми, способными быть тем более творческими, чем больше “картин мира” принимают во внимание, чем меньше они поработаны каким-то определенным образом жизни [21]. Человек более свободен и независим, имеет более выраженную индивидуальность, если участвует сразу в жизни нескольких групп [22]. При широком взгляде на проблему с этим согласуются теория пассионарности Л. Гумилева [8], данные о более высокой социальной и творческой активности народов, находящихся на стыке цивилизаций и генотопов, а также ученых, работающих на стыке наук.

Однако, возможно, в этих примерах наблюдается и не совсем оправданное размытие первоначального понятия “маргинальный человек”, когда фактически вместо отверженности каждой из социальных групп человеку приписывается владение правилами жизни всех этих групп и способность вставать над ними. Творчески одаренный человек с формальным маргинальным статусом

реализует свой потенциал скорее не благодаря маргинальному статусу, а вопреки ему. И он действительно способен встать на ситуацию и использовать преимущества своего “пограничного” существования, но лишь при наличии соответствующего внутреннего потенциала “творческого разрушения стереотипов” (по Й. Шумпетеру).

2. *Профессиональный маргинализм.* Если маргинальный человек – свойство индивидуальности, то профессиональный маргинализм – это массовый продукт общества. Само появление его обусловлено преимущественно внешними социальными и экономическими причинами, а не внутренними (психологическими, этическими) колебаниями личности, либо ее особым (маргинальным) статусом (раса, культура, пол). Причем именно профессиональный маргинализм выступает как основная форма и ведущий фактор социального маргинализма в России в силу подавляющей роли профессии и трудовой занятости в формировании экономического и социального статуса.

Профессиональный маргинализм в России носит не локальный, как в стабильных обществах (из-за противоречивой роли лишь некоторых категорий профессионалов в микроструктуре профессии), а тотальный характер (в силу неразвитости социально-правовой организации макроструктуры профессии).

Психология маргинала в социально значимых профессиях проявляется в России не только на уровне межличностных и внутренних конфликтов (как в других странах), но и в сфере внешних социальных конфликтов, затрагивающих общественное сознание и социально-правовые отношения.

Если у Р. Парка “маргинальный человек” определяется по отношению к конкретной социальной группе, подчеркивается индивидуальный характер проявления маргинальных признаков (маргинальная личность), то термин “профессиональный маргинализм” определяет маргинальный статус как “край” по отношению к “общечеловеческой норме профессионала”, к общечеловеческому статусу профессии.

Поэтому существенна “знаковая” функция “профессионального маргинализма” как негативного явления: не может быть нейтрального для общества маргинального врача, поскольку – такой врач всегда абсолютное зло.

Особенностью профессионального маргинализма в России является то, что он действующий, – и не только на периферии профессионального поля, а повсеместно; у нас, по сути, сложилось общество профессиональных маргиналов, социальной нормой становится “профессиональный маргинализм”, который в сфере социально значимых профессий приобретает черты “воинствующего”, т.е. социально-опасного явления.

Взросший уровень негативизма в обществе, приведший к отрицанию многих ценностей, затронул и профессиональную сферу; и именно там, где профессионал вступает в контакты с людьми, потенциал ненависти, озлобления, нетерпимости наибольший. Выбор в качестве области исследования социально значимых профессий обусловлен еще и тем, что именно в этой сфере наиболее активно идет встречный процесс: “превращение” потенциальных маргиналов в “действующих” или “отверженных”, с одной стороны, а с другой, – сокращение контингента ментально-идентичных и потомственных профессионалов вследствие их перетекания в другие, более соответствующие понятиям о достойном образе жизни структуры.

Таким образом, сопоставление терминов “профессиональный маргинализм” и “маргинальный человек” показывает, что имеет место конвергенция понятий, а не тождество самих явлений. Профессиональный маргинализм – это не “развитие” концепции маргинального человека и не умозрительная конструкция, идущая от него; это определение нового явления и новой области исследования.

V. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАРГИНАЛИЗМА

Феномены профессионального маргинализма связаны в структуру целостного психологического явления через общие и специфические признаки когнитивной безальтернативности, мотивационно-деятельностной имитации, негативной идентификации.

V.1. Несвобода выбора. Несвобода выбора применительно к профессиональной деятельности имеет несколько аспектов, выступающих как факторы или побудительные мотивы профессионального маргинализма.

А. Информационная несвобода. Человек оказывается на обочине профессионального поля, если не владеет информацией, лишен ее извне (оторван) или внутренне не способен (не готов самостоятельно) получать новую информацию о своей профессии. Так, переход к тотальной компьютеризации сразу же отодвинул некоторых представителей “старой гвардии науки” на периферию профессионального поля.

Б. Социальная несвобода. Принадлежность к определенному образовательному, социальному, либо традиционному слою является важной и часто даже определяющей идентификационной основой для многих социально значимых профессий. Неспособность переступить нравственный барьер, воспитанная в определенном социальном окружении, становится внутренним препятствием

перехода за пределы профессиональной этики даже в критических ситуациях.

Безусловно следует учитывать, что социальный маргинализм не всегда является жесткой детерминантой профессионального маргинализма, связь между ними сложнее. Например, “ударное ядро” сталинских КБ составляли “неофиты” – “новообращенные” ученые и инженеры из рабочих, крестьян и мелких служащих, для которых полученное образование оказалось действенным стимулом профессионального развития. Будучи формально социальными маргиналами, вырванными из привычной среды, в силу чего их уже не удерживали обязательства и не сковывали традиции, эти люди часто становились самоотверженными рыцарями профессии, профессиональными “гиперидентами”.

Тем не менее, отсутствие культурных корней, специфической социальной среды формирования личности всегда выступает в качестве фактора несвободы, ограничивающего возможности полноценной профессиональной самоидентификации в сферах деятельности, требующих более широкого, чем чисто профессиональный, кругозора и влекущих отдаленные непредсказуемые последствия или даже вполне предсказуемый негативный экологический и социальный эффект.

В. Экономическая несвобода. Экономическое унижение сродни лишению физической свободы по психологическим последствиям своего действия, а несвободный человек не может стать хорошим профессионалом. Профессионализм – это товар [15], что предполагает честную конкуренцию на рынке труда и соответствующую цену. Если в этой цепочке нет хотя бы одного компонента, она распадается и профессия неизбежно деградирует.

Экономическая несвобода профессионала является связующим звеном всех компонентов рассматриваемой модели, а в условиях, когда жизнь превращается в “выживание”, это еще и политическая несвобода.

Г. Ментальная несвобода. Отказ общества от официальной идеологии особенно ударил по тем специалистам и ученым, которые традиционно относились к так называемой гуманитарной сфере, и профессиональный менталитет которых целиком базировался на этой идеологии как единственно верной. Многие из них оказались в стане профессиональных маргиналов, при том, что сознание важности и нужности своего труда и предшествующий успешный профессиональный путь их к такому жизненному повороту не подготовили.

Ментальная дезориентация в профессиональной сфере часто оборачивается недовольством новым устройством жизни вообще и тогда новоиспеченные профессиональные маргиналы становятся активными борцами против всех перемен

в обществе. В массовых случаях этот психологический эффект от, казалось бы, чисто профессиональных проблем служит дополнительным фактором дестабилизации общества.

V.2. “Личность, лицо, маска” как модели идентификации. Вечный вопрос “быть или казаться?” как нельзя более применим к сфере профессионального маргинализма, – его мотивационных истоков и личностной базы.

Понять, насколько человек в действительности “бытийно” существует в профессии, или только делает вид, что она для него что-то значит, невозможно без анализа потребностно-мотивационной сферы профессионала.

В основу такого анализа мы заложили схему, допускающую, что все потребности как мотиваторы-механизмы, включающие ту или иную модель профессиональной идентификации, могут быть обозначены либо как истинные, либо как потребности-имитации. Соответственно этому в поведении профессионала преобладает его “личность”, “лицо” или “маска” (сходство в терминологии с теорией Гвардини [18] здесь внешнее).

Истинные потребности (включающие модель идентификации “профессионал-личность”) отражают реальную направленность личности в любой сфере деятельности, в том числе, в сфере профессионального труда и профессионального выбора.

Потребности-мотивировки (включающие модель идентификации “профессионал-лицо”) – это умозрительные потребности, воспринимаемые самой личностью как истинные. В них в “подправленном” и более приемлемом для самолюбия виде выступают иные истинные потребности, по каким-то причинам вытесненные в подсознание. Это своего рода потребности-лозунги.

Потребности-имитации (включающие модель идентификации “профессионал-маска”), – демонстрация целенаправленно имитируемых мотивов деятельности, при осознании их самой личностью как ложных, в угоду социальной среде или запросам общества. Двойная мораль нашего недавнего бытия – яркий пример такой имитации.

Имитация потребностей проводится по определенным “правилам игры”, принятым в данной социальной среде, хорошо изученным и усвоенным личностью именно как “правила имитации жизни”, а не собственно “правила жизни”.

В стабильных социальных условиях такую имитацию трудно распознать. Так, например, христианские заповеди могут быть сутью личности, но могут быть приняты кем-то и в силу необходимости, для бесконфликтного существования в обществе, законы которого построены на этих заповедях. Человек может быть с ними не согла-

сен, но принимает их к исполнению в случаях, пока общество способно его контролировать.

Методологически следует разделить эти три слоя и проанализировать удельный вес каждого из них в мотивации деятельности того или иного профессионала.

Маргинальный профессионал с преобладанием третьего типа потребностей будет соответствовать требованиям профессии лишь до тех пор, пока это поощряет среда (т.е. в стабильном обществе и при удовлетворительной оплате труда).

Именно переломы эпох (наше время) и выявляют всю степень реального распространения профессионального маргинализма, так как разрушенная социальная среда уже не требует сохранения “маски” и никак не поощряет “преданность делу” материально.

V.3. Идентификационная ориентация. Преобладание позитивной (сходство) или негативной (различие) ориентаций идентичности профессионала является одним из ведущих признаков психологического разграничения трех крупных социально значимых профессиональных групп и профессиональных типов личности:

1. “Мыслители”, – производители идей, культурных ценностей, хотя и воплощенных иногда в неких осязаемых продуктах, но не тождественных им (идея – это не статья в научном журнале, а картина – не набор красок).

Самоидентификация с понятием “мыслящая” и “творческая” интеллигенция как элиты предполагает обязательную альтернативу – неэлиту, разделение на “мы” и “все другие” и выдвижение (или самовывдвижение) особой касты, выполняющей миссию мозгового, культурного управляющего центра в обществе, в истории. То есть профессиональная идентификация носит здесь прежде всего “негативный” характер, призванный подчеркнуть отличие от “массы”, и уже во вторую очередь – позитивный, ориентированный на обеспечение своего тождества с соответствующим контингентом профессионалов.

В этой элитарности заложен преобразующий потенциал интеллигенции как социально-профессиональной группы (идея мессианства, избранности способна рождать энтузиастов, настоящих “двигателей прогресса”), но вместе с тем и ее ограниченность: стремление во всех случаях сохранить “элитарность” оборачивается отходом от реальных проблем общества и беспринципностью.

Соответствующий “пограничный” профессионально-психологический тип личности характеризуется амбивалентностью качеств: а) автономностью и оригинальностью в способах и методах работы, – и зависимостью от поступающей извне новой профессиональной информации, производимой и поставляемой другими; б) стремлением к свободе профессионального самовыражения, – и

внутренним чувством кастовой принадлежности к некоему сообществу, кругу избранных (причем не всегда реально существующему и физически доступному, но часто виртуальному); в) высокой самооценкой, убежденностью в своей правоте, – в сочетании с болезненным отношением к критике, неприятием чужого мнения.

2. “Сознательные делатели”. К ним относятся инженеры, предприниматели, преподаватели, врачи, юристы и т.д., т.е. высококвалифицированные профессионалы, конечным результатом деятельности которых является продукт, непосредственно воплощенный в материальную ценность, реальное воздействие на человека или конкретный социальный эффект. Эта группа определяется преимущественно позитивной идентичностью, которая проявляется в стремлении усовершенствовать “себя” до уровня современного “профессионального образца”, соответствовать принятому эталону. Ту же цель преследует и профессиональное обучение в этой сфере, в особенностях которого хорошо просматривается действительная потребность общества в “единообразии” профессионалов, способных выполнять на приемлемом уровне и в массовом масштабе определенный социальный заказ.

Психологически пограничный тип личности “сознательного делателя” характеризуется комплексом неполноценности, возникающем из внутреннего конфликта между осознанием объективной важности и высокой квалификации своей работы и недостаточным социальным признанием, поощрением того чисто человеческого вклада, расходования творческих или душевных сил, которого требует выполнение на должном уровне функций врача, учителя, и мерой чего является здоровье, жизнь и судьба людей. Поэтому взятки, подарки в этой среде (и большинством общества) не осуждаются, а воспринимаются как коррекция социальной несправедливости.

3. “Социальные исполнители” (военнослужащие, судьи, чиновники, работники собесов, операторы, секретари, операционистки банков и т.д.), – должностные функции которых продиктованы жесткими правилами и инструкциями; основной критерий профессионализма состоит в степени приближения выполнения функций к инструкциям, уставам или законам, а идеальным профессионалом могла бы стать машина.

Ментальная идентификационная база в этих профессиях предельно мала, но там работают не машины, а люди с их внутренними притязаниями и стремлением к “очеловечиванию” своей должностной функции. И от них всегда зависят другие люди: отсюда возможность превратить свои технические исполнительские функции во власть; отсюда же – произвол, хищения, коррупция, все то, что называется “превышением полномочий”:

придать своей профессиональной роли любым способом значимость гораздо большую, чем сама эта роль. Это можно назвать “теневым самоутверждением” – подавлением комплекса неполноценности от своей формально незначительной профессиональной роли.

Данная профессиональная группа психологически во многом противоположна предыдущей: здесь требуется простое выполнение четких правил и законов, ко всем одинаковый подход; там – нет четких правил, ценится творческое решение и индивидуальный подход к людям. И взятка здесь дается уже не в качестве поощрения или социальной компенсации, а либо за то, чтобы просто выполнялись положенные законы, либо за их нарушение в пользу взяткодателя, что дает такому социальному функционеру иллюзию власти уже не только над людьми, но и над самим законом.

Профессиональный маргинализм возникает везде, где человек (пациент, клиент, ученик) перестает быть субъектом, а становится объектом, т.е. лишается своей личностной сущности одушевленного существа и воспринимается врачом, судьей, учителем, воспитателем, чиновником лишь как объект манипуляций (профессиональных или должностных) и досадный источник личного неудобства.

VI. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА МАРГИНАЛИЗМА В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ПРОФЕССИЯХ

Социально значимые профессии – это не просто социально-ориентированный тип профессий “человек–человек”, “человек–общество”, описанный Е.А. Климовым [13], а более широкое понятие, имеющее следующие признаки:

А. Объект профессиональной деятельности обладает не только социальными [12], но и субъектными характеристиками: реагированием на профессиональное воздействие по своей собственной, а не профессионала логике; эта субъектность в объекте в конечном счете всегда отнесена к индивиду, группе, обществу, но не обязательно заключена в физические границы объекта (которым может быть и машина).

Б. Эти профессии обладают свойством “встречного социального резонанса”: сами зависят от общества (детерминированы состоянием общества: экономическим, политическим, стабильным, нестабильным и т.д.); общество зависит от них (они оказывают существенное влияние на нормативное, правовое, моральное и психологическое общественное сознание, являются фактором социальной устойчивости либо деструкции).

Если перефразировать известное изречение “бытие определяет сознание”, то специфика социально значимой профессии может быть уложе-

на в формулу: “социальное бытие определяет общественное сознание через социально значимую профессию и деятельность профессионала”.

Например, летчик одноместного спортивного или транспортного самолета не может квалифицироваться как социально значимый профессионал, хотя частично и обладает первым признаком: в объекте, которым он управляет, заключена субъектность его самого, летчика. Но признак второй – социальная связанность профессии – четко не просматривается, поскольку авария такого самолета не может существенно повлиять на общественное сознание.

Профессия летчика гражданской авиации или машиниста электропоезда уже может быть отнесена к категории социально значимых, но при некоторых условиях. Объект его деятельности удовлетворяет признаку субъектности – это не просто машина, а машина с людьми; он распоряжается не только маршрутом, но и чужими жизнями [14]. Но социально значимой профессия летчика гражданской авиации становится лишь тогда, когда количество аварий гражданских самолетов превысит порог социальной безопасности, а общественное сознание повернется от доверия к гражданской авиации и уважения к летчикам к их критике, осуждению, отказу от полетов.

Для диспетчеров АС таким порогом социальной безопасности являются не сотни, а всего лишь одна авария, и с того момента, как она произошла (например, Чернобыль), диспетчер АС стал социально значимой профессией.

В силу своей важности и незаменимости социально значимые профессии характеризуются повышенной конфликтностью, причем психологические особенности профессиональных конфликтов в этой сфере также связаны со спецификой субъектно-объектных отношений.

Профессиональные конфликты в большинстве профессий, где объекты труда не являются одушевленными, это прежде всего конфликты между самими профессионалами (по вертикали или горизонтали служебных отношений), так или иначе обусловленные несовпадением ментальных позиций их участников по поводу профессии и своей роли в ней. То есть это конфликты в сфере “субъект–субъект” профессиональной деятельности.

Конфликтные отношения типа “субъект–объект”, где объект труда машина, кирпичи, инженерные проекты, представить себе трудно (правда у пользователей персональных компьютеров иногда встречается феномен “одушевления машины”, но возможные конфликты с ней могут относиться лишь к виртуальной сфере).

Но в социально значимых профессиях именно конфликты типа “субъект–объект” профессиональной деятельности выдвигаются на первое ме-

сто по психологической значимости. Это конфликты профессионала с потребителями профессиональных услуг – клиентами; при этом основа такого конфликта часто выходит далеко за рамки чисто профессиональных отношений.

Причина конфликта, идущая от профессионала, состоит в психологической трудности или даже невозможности совмещения в объекте профессионального воздействия – человеке (обществе) двух его ипостасей: человек (общество) как объект; человек (общество) как субъект, имеющий собственное отношение к профессии и роли конкретного ее представителя в обеспечении его, клиента, интересов; а также способный оказать противодействие профессионалу в случае, если сочтет, что его интересы как потребителя профессиональных услуг нарушаются.

Причины конфликтов, идущих от объекта (клиента), часто состоят в идеализировании роли профессионала и недоучете того, что и он тоже человек (вопрос о том, кто из сторон имеет больше права “быть просто человеком”, выходит за рамки рассматриваемой здесь проблемы).

Поэтому нередко возникает одностороннее или взаимное неприятие и даже вражда между профессионалом как субъектом и клиентом как объектом профессиональных отношений.

И поскольку в этой связке “субъект–объект” властные полномочия находятся всегда в руках профессионала, то в ситуации такой вражды он мало чем ограничен (кроме профессиональной этики, если она у него есть) в возможностях нанести вред своему клиенту (сознательно или бессознательно).

Своеобразие и опасность ситуации в современной России состоит в том, что, с одной стороны, осталась практически прежняя закрытость системы социального обеспечения от конкретного человека даже в вопросах, касающихся его самого, и это не позволяет ему правильно сориентироваться в ситуации и своевременно принимать решения; с другой стороны, – прежний контроль над деятельностью профессионалов как внутриведомственный, так и надведомственный, в социальной сфере практически исчез. А то, что могло бы выполнять функции независимого контроля – система медицинского и социального страхования, – пока еще никак себя не проявила и остается частью того же ведомственного клана.

Единственным противодействием произволу в социально-значимых сферах деятельности могла бы быть нравственность самого профессионала, но основная масса практикующих врачей, учителей, судей – это люди уже нового поколения, лишённые традиционной профессиональной морали, что создает широкую социальную базу для психологии профессионального маргинала.

Таким образом, психологические особенности профессиональных маргиналов в конкретных видах социально значимого труда зависят от: 1) характера и степени опосредованности связи субъекта труда (профессионала) с субъектной составляющей объекта труда; 2) общесоциального статуса профессии и его основы: либо это высокий уровень в иерархии социальных ценностей, либо профессия принадлежит к системе обеспечения основных витальных и социальных потребностей (права на жизнь, здоровье, образование и т.д.); 3) социальной значимости профессии в иерархии национальных, культурных или групповых ценностей; 4) наличия или отсутствия четких рациональных критериев и измеряемых показателей выполнения профессиональных функций. В большинстве социально значимых профессий критерии в основном нравственные: выполнение долга, несение миссии, следование призванию или принципу "не навреди".

ВЫВОДЫ

Проведен анализ понятий: маргинальный человек, маргинальный статус, маргинальная личность и показана психологическая специфика понятия "профессиональный маргинализм".

Разработаны методологические принципы исследования и выявления профессионального маргинализма в социально значимых видах труда; рассмотрены механизмы его порождения как социально-психологического феномена.

Определена область и основной объект исследования – психология действующего маргинала в социально значимых профессиях, где негативный эффект от массовой маргинализации наибольший.

Сформулированы критерии выделения социально значимых профессий: а) субъектность объекта профессиональных отношений; б) "встречный социальный резонанс" профессии; в) незаметность в иерархии общечеловеческих ценностей;

Дана характеристика пограничных профессиональных типов личности в трех ведущих группах социально значимых профессий: творческая элита, созидатели, социальные исполнители.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Субъект – символ российского самосознания // Сознание личности в кризисном обществе. М.: ИП РАН, 1995. С. 10–28.
2. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке // Там же. С. 28–42.
3. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие учения и современное состояние. М.: ИП РАН, 1995.
4. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 144–171.
5. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
6. Васильюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984.
7. Голиков Ю.Я., Костин А.Н. Теория и методы анализа проблемностей в сложной операторской деятельности // Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа. М.: ИП РАН, 1999. С. 6–79.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометиздат, 1990.
9. Дикая Л.Г. Системно-деятельностная концепция саморегуляции психофизиологического состояния человека // Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа. М.: ИН РАН, 1999. С. 80–106.
10. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М.: ИП РАН, 1994.
11. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность как комплексная характеристика соответствия субъекта и деятельности // Психологическое обозрение. 1998. № 2. С. 35–45.
12. Иванова Е.М. Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности. М.: МГУ, 1992.
13. Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. М.: МГУ, 1995.
14. Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М., 1997.
15. Фромм Э. Человек для себя. Минск, 1992.
16. Clagett A.F. Reference groups and criminal careers: Refining the conceptual links // J. Offender Rehabil. 1999. V. 29. № 1–2. P. 149–161.
17. Goldberg M. A Qualification or the Marginal Man Theory, "American Sociological Review". 1941. V. VI. P. 52–58.
18. Guardini R. Das Ende der Neuzeit. Ein Versuch zur Orientierung. Wurzburg, 1950.
19. Durkheim E. Suicide: A Study in Sociology, Glencoe, 1951.
20. Kerchhoff A., McCormick T. Marginal Status and Marginal Personality, "Social Forces". 1955. V. XXXIX. P. 48–55.
21. Park R. Race and Culture, Glencoe, 1950.
22. Simmel G. Conflict and the Web of Group-Affiliations. Glencoe, 1955.
23. Vorberg D., Blankenberger S. Die Auswahl statistischen Tests und Maße // Psychol. Rdsch. 1999. V. 50. № 3. P. 157–164.
24. Wray D. Marginal Men of Industry: The Foremen, "American Sociological Review". 1954. V. XIX. P. 528–535.

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL MARGINAL IN THE SOCIALLY SIGNIFICANT TYPES OF LABOUR (2-nd ARTICLE)

E. P. Ermolaeva

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., IP RAS, Moscow

The psychological problems of professional marginalism understood as a loss of professional identity during sociogenic professional crisis that is mostly relevant in the socially significant types of labour are considered. The genesis of the problem is presented, the peculiarities of the term "professional marginalism" are defined, the choose of research area (socially significant types of labour) is substantiated. There are discussed the methodological principles and aspects of research on professional marginalism, the models of it origin and psychological peculiarities of professional marginals in concrete types of socially significant labour are presented.

Key words: psychology of the professional, professional marginalism, professional identity, socially significant types of labour.

ПАТОПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ НАРУШЕНИЙ ПРЕДМЕТНОГО И АФФЕКТИВНОГО КОМПОНЕНТОВ ЭМОЦИЙ У БОЛЬНЫХ ПАРАНОИДНОЙ ШИЗОФРЕНИЕЙ

© 2001 г. М. Ю. Лотоцкая*, Е. В. Заика**

* Аспирантка кафедры психологии Харьковского национального ун-та

** Канд. психол. наук, доцент кафедры психологии того же ун-та

Анализируется структура эмоциональных нарушений, на основе двухкомпонентной модели эмоций: как единства отражаемого предметного содержания (предметный компонент), и как собственно эмоционального переживания (аффективный компонент). Обнаружено, что у больных параноидной шизофренией нарушен предметный компонент и положительных, и отрицательных эмоций: существенные признаки предметов игнорируются, а в качестве эмоционально значимых используются несущественные их свойства. Связь предметного и аффективного компонентов чрезмерно лабильна, при этом аффективный компонент положительных эмоций нарушен в большей мере, чем отрицательных. Изменения положительных эмоций по характеру дефицитарны, а изменения аффективного компонента отрицательных эмоций своеобразны: увеличение частоты отрицательных переживаний сочетается со снижением их интенсивности и активирующего влияния.

Ключевые слова: структура эмоциональных нарушений, предметность эмоции, эмоциональное переживание, положительные и отрицательные эмоции, параноидная шизофрения.

Проблема эмоциональных расстройств при шизофрении остается весьма актуальной. Анализ медицинской и патопсихологической литературы показывает, что диапазон точек зрения на данную проблему достаточно широк. Наряду с клиническими и экспериментально-психологическими данными, свидетельствующими о нарастании у больных шизофренией эмоциональной тупости (Т.И. Бояршинова, И.Н. Гильяшева, В.А. Гильяровский, Н.К. Киященко, И.Ф. Случевский, Е.Т. Соколова, Б.Г. Херсонский, N.C. Andreasen, E. Bleuler, H.W. Gruhle, E. Kraepelin, W. Mayer-Gross и др.), в литературе имеются факты, указывающие на парциальный характер патологии эмоций (И.Г. Беспалько, Н.Ф. Деметьева, Б.Д. Карвасарский, Н.Н. Карловская, С.П. Позднякова, Ю.Ф. Поляков, Л.Л. Рохлин, С.Ф. Семёнов, А.В. Снежневский и др.), и на возможность адекватных реакций у больных в исходных состояниях с выраженным шизофреническим дефектом [1, 13].

На наш взгляд, более целостно и дифференцированно охарактеризовать особенности эмоциональности при шизофрении позволяет исследование структуры нарушений эмоций. Преимуществом данного подхода является то, что изучение структуры эмоциональных нарушений дает возможность выявить изменения на уровне, во-первых, отдельных компонентов (одни страдают в большей степени, другие – остаются относитель-

но сохранными), а, во-вторых, на уровне связей между компонентами.

Исследование структуры эмоциональных нарушений с точки зрения соотношения эмоций разных знаков [4, 12] показало, что у больных шизофренией с клинически выраженным дефектом эмоциональной сферы (эмоциональной холодностью) отмечается дефицит положительных эмоций (снижены частота, интенсивность, повышены пороги их возникновения) при относительной сохранности отрицательных.

Но возникает вопрос: характерна ли такая структура эмоциональной патологии для параноидных больных, которым присуще наличие бреда, сопровождающегося негативными переживаниями? Вполне допустимо предположить, что у этих больных наряду со снижением положительных эмоций может происходить усиление отрицательных.

Как подчеркивалось рядом авторов, целостное эмоциональное явление представляет собой единство двух моментов: некоторого отражаемого содержания и собственно эмоционального переживания [2, 3]. Иными словами, целостная эмоция имеет двухкомпонентную структуру, является единством предметного и аффективного.

То содержание объектов, которое, отображаясь познавательными процессами, вызывает отчетливую эмоцию, и есть **предметный компонент** эмоции. Он характеризует, какие именно призна-